

Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 252–262.

Civilizational changes in Russia. 2023. P. 252–262.

Научная статья

УДК 339.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ РОССИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Ольга Юрьевна Коломыцева

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

olga.k23032000@mail.ru

Аннотация. В статье предложена новая модель участия России в мировой системе разделения труда. В качестве основы этой модели выступает кластер из государств, находящихся под международными санкциями. В рамках этого кластера предлагается выстраивать кооперационные связи между национальными экономиками.

Ключевые слова: санкции, международная система разделения труда, цепочки поставок

Для цитирования: Коломыцева О. Ю. Трансформация модели участия России в системе международного разделения труда как инструмент обеспечения экономической безопасности национальных производителей // Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 252–262.

Scientific article

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF PARTICIPATION OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL DIVISION OF LABOR AS A TOOL OF ECONOMIC SECURITY OF NATIONAL PRODUCERS

Olga Yu. Kolomytseva

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia

olga.k23032000@mail.ru

Abstract. The paper contains a proposal for a new model of participation of Russia in the global system of division of labor. This model is based on a cluster of the states under international sanctions. It is proposed to build up cooperation ties between national economies within this cluster.

© Коломыцева О. Ю., 2023

Keywords: sanctions, international system of division of labor, supply chains

For citation: Kolomytseva O. Y. Transformation of the model of participation of Russia in the system of international division of labor as a tool of economic security of national producers // Civilizational changes in Russia. 2023. P. 252–262.

Введенные против России беспрецедентные экономические санкции [1] (заявленная цель которых заключается в принуждении России отказаться от самостоятельной внешней политики, а фактическая – причинить неприемлемый ущерб экономическому потенциалу нашей страны [2] с целью провоцирования социально-политической нестабильности с последующим распадом России на ряд квазисамостоятельных государств, вовлеченных в сферу политического доминирования коллективного Запада), несмотря на то, что наиболее острые негативные эффекты, связанные с ними, удалось оперативно устранить или минимизировать за счет активных действий государства и бизнеса [3], все равно усложняют текущую деятельность российских предприятий и замедляют темпы их развития. Эти проблемы обуславливаются тем, что сущность санкций состоит в фактическом исключении России из мировой экономики (точнее, отказ России в доступе к иностранным ресурсам, которые необходимы нашей стране для высокотехнологичного экономического развития).

Уточним, что осуществляемое в настоящее время коллективным Западом санкционное давление усиливается за счет наличия в нем неформальной составляющей (иностранные компании, несмотря на то, что формально их деятельность не попадает под официально введенные санкционные ограничения, по собственной инициативе разрывают отношения с нашей страной, чтобы минимизировать репутационные риски и избежать вторичных санкций в случае расширения ограничений) [4]. Важно понимать, что в долгосрочной перспективе ситуация будет ухудшаться, хоть и удалось в значительной мере минимизировать мгновенный негативный эффект санкций. При этом не следует думать, что коллективный Запад откажется от санкционного давления по причине того, что введенные ограничения негативно сказываются и на экономике тех государств, которые ввели санкции против нашей страны [5].

Несмотря на текущие потери, коллективный Запад в среднесрочной перспективе будет готов платить эту цену, поскольку существующий конфликт носит принципиальный характер. В этой ситуации необходима срочная разработка стратегий и дорожных карт, направленных на недопущение достижения целей санкций и формирования новой альтернативной модели участия российских предприятий в мировой экономике (чтобы обеспечить им возможность приобретать необходимые для них ресурсы и создать для

них устойчивый доступ к рынкам сбыта на приемлемых условиях). Только при наличии такой альтернативной модели можно будет говорить об обеспечении долгосрочной экономической безопасности российского бизнеса.

В настоящее время в качестве направлений минимизации негативных эффектов санкций рассматриваются следующие основные стратегии, представленные ниже.

1. Для обеспечения доступа российских предприятий к необходимым ресурсам предлагается использовать импортозамещение [6, 7] и переключение на альтернативных поставщиков (из государств, не участвующих в санкционном давлении на Россию, прежде всего из Китая [8]), а также на альтернативные каналы поставки [9]. При этом импортозамещение в текущей геополитической ситуации приобретает дополнительный смысл [4]. Целесообразность импортозамещения подкрепляется тем фактом, что эффективность международных санкций во многом обуславливается отказом России от собственных производств, формирования и сохранения связанных с ними ресурсов и компетенций в пользу использования иностранной продукции в широком спектре отраслей, включая такие стратегические направления, как авиация [10] и автомобилестроение [11, 12].

2. Для обеспечения российским предприятиям доступа к внешним рынкам сбыта предполагается переориентировать экспортные продажи на те государства, которые не присоединились к санкциям коллективного Запада, а также развивать внутренний спрос.

Однако как потенциал этих стратегий, так и способы их реализации в научной и практической литературе не представлены в полном объеме. В данном исследовании мы выполним критический анализ этих стратегий и сформулируем наши рекомендации по разработке дорожной карты для минимизации негативных эффектов санкций.

Прежде всего, необходимо отметить, что потребность в пересмотре модели участия России в мировой экономике возникла не только по причине введения всеобъемлющих санкций против нашей страны весной 2023 г. Ограничения на доступ России к экспортным и импортным рынкам начали постепенно вводиться после вхождения Крыма в состав Российской Федерации еще в 2014 г. [13], на что руководство нашей страны ответило встречными ограничениями и стало проводить мероприятия по целенаправленному избавлению России от экспортных и импортных поставок (наибольшие успехи были достигнуты в оборонно-промышленном комплексе и сельском хозяйстве [7]).

Помимо этого, пандемия COVID-19 и связанные с ней карантинные меры продемонстрировали неустойчивость глобальных цепочек поставок [14, 15] и необходимость развития локальных производств во всем мире

(т. е. укорочения цепочек поставок [16]). Наконец, помимо конфликта между Россией и коллективным Западом в мире существует ряд других геополитических и геоэкономических противоречий (важнейшим из которых является конфликт между США и Китаем), который также отрицательно влияет на стабильность доступа к иностранным рынкам. Таким образом, в мире в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к возврату (решорингу) производств и импортозамещению [17, 18], и Россия в этом отношении следует данному тренду (однако наша страна находится в более неблагоприятной экономической и политической ситуациях по сравнению с большинством других государств, и потребность в проведении политики импортозамещения носит более настоятельный характер).

Аналогичная ситуация обстоит с российским экспортом. Основными экспортными товарами Российской Федерации являются углеводороды, а ключевым рынком сбыта до 2022 г. была Европа. Однако задолго до начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Европа принимала меры по ограничению доступа российских нефти и газа на свой рынок, аргументируя это необходимостью диверсификации поставок для обеспечения энергетической безопасности и переходом к зеленой энергетике [19]. Это также обуславливает потребность в поиске альтернативных рынков сбыта для основных российских экспортных товаров.

Таким образом, можно говорить о том, что потребность в пересмотре модели участия России в мировой экономике сложилась довольно давно и связана не только с субъективными (т. е. относящимися только к России) причинами (как санкционное давление) [1], но и объективными факторами (частичная деглобализация мировой торговли и переход к новому цифровому укладу, одним из элементов которого является зеленая энергетика) [17–19].

При этом следует подчеркнуть, что импортозамещение и переориентация на внутренний рынок не могут рассматриваться в качестве универсальной стратегии. Выпуск всей необходимой для России продукции не может быть организован в нашей стране, поскольку национальная экономика не обладает для этого достаточными ресурсами и компетенциями, а внутренний рынок недостаточно емкий, что не позволит получить экономию от масштаба производства. В результате ряд видов продукции не сможет быть изготовлен в России в силу ресурсных ограничений, а выпуск других видов продукции будет экономически неэффективен (что, как следствие, приведет к недостаточной экономической эффективности тех предприятий, которые будут потребителями этой продукции). Кроме того, в силу ограниченной емкости российского рынка имеющийся внутренний спрос не сможет заместить те экспортные поставки, осуществление которых стало невозможным

из-за санкционных ограничений. Это означает, что Россия должна сохранять свое присутствие в международной системе разделения труда, что позволит ей обеспечить экономическую эффективность внутренних производств.

Парадоксальным образом избыточное импортозамещение будет означать успех политики санкционного давления, направленного на исключение России из мировой экономики.

Сказанное выше не означает, что Россия должна отказаться от политики импортозамещения и развития внутреннего спроса. Эти меры необходимы для обеспечения приемлемого уровня технологического суверенитета нашей страны и увеличения объема добавленной стоимости, создаваемой в России (что, в свою очередь, является обязательным условием для роста экономического потенциала нашей страны и повышения благосостояния населения [20]). По этой причине государству следует продолжать содействовать развитию локальных производств и формированию внутреннего спроса. Однако эти меры являются лишь одним из инструментов антисанкционной политики, а не универсальным способом адаптации национальной экономики к новой геополитической ситуации. России необходимо найти оптимальный баланс между импортозамещением и выстраиванием международных кооперационных цепочек (при условии, что эти цепочки будут устойчивы к санкционному давлению).

Переключение на новые импортные и экспортные рынки и переход к новым моделям организации каналов также не сможет решить проблемы, вызванные санкциями. Это связано с причинами, представленными ниже.

1. Предприятия государств, не присоединившихся к санкционному давлению против России, также стремятся минимизировать сотрудничество с нашей страной, чтобы избежать вторичных санкций (а руководство этих государств публично декларирует свое стремление не допустить использование данных стран в качестве путей обхода наложенных на Россию санкций – характерным примером является Казахстан). Это ограничивает возможности России по использованию альтернативных каналов импорта и экспорта.

2. Государства, не присоединившиеся к санкциям, ограничивают не только реэкспорт продукции в Россию, произведенной в странах, участвующих в санкционном давлении, но и экспорт продукции собственного производства, поскольку ряд видов таких продуктов (например, процессоры, выпускаемые в Китае) имеют критическое значение для их собственной национальной безопасности.

3. Сотрудничество с альтернативными поставщиками и покупателями затруднено из-за того, что они используют глобальную платежную

и финансовую инфраструктуру, основанную на долларе США и евро, доступ к которой России ограничен из-за санкций (а альтернативная инфраструктура пока отсутствует).

4. Издержки, связанные с альтернативными каналами поставок, очень велики (поскольку их участники включают в стоимость издержки на проведение мероприятий, связанных с обходом санкций, а также возможные потери, связанные с введением вторичных санкций).

5. Возможности альтернативных каналов поставок пока невелики и не могут удовлетворить все потребности России в импорте и экспорте. Для части каналов такие ограничения присущи по определению [9], для других они могут быть преодолены за счет формирования новой экспортно-импортной инфраструктуры (примером может быть газопровод «Сила Сибири»), однако ее создание требует значительных затрат и не может быть реализовано в короткие сроки.

6. Партнеры, которые продолжают сотрудничество с Россией, заинтересованы не в долгосрочной кооперации, а в возможности максимизации своей текущей выгоды (т. е. в использовании неблагоприятного положения, в котором в настоящее время находится Россия, в своих интересах). Наглядным примером является Индия, которая приобретает у России нефть с большим дисконтом. Если такой дисконт не будет предоставлен, велика вероятность того, что Индия откажется от закупок в России (т. е. выступать в качестве долгосрочного рынка сбыта, ориентированного на сотрудничество с нашей страной, как это имело место при поставках нефти и газа в Европу, Индия не готова, что не позволяет рассматривать ее в качестве замещения для европейского рынка).

Отдельно следует подчеркнуть, что работа по развитию импортозамещения, формированию внутреннего спроса и переключению на альтернативные рынки импорта и экспорта пока носит недостаточно системный характер. Можно говорить о том, что принимаемые меры являются реактивными (призванными минимизировать потери от уже введенных санкций), а не проактивными (направленными на предотвращение потерь от тех санкций, которые будут введены в будущем). Фактически это означает, что пока в российском подходе к организации участия нашей страны в мировой торговле не произошла смена парадигмы. Пока идет поиск путей обхода ограничений доступа к традиционным рынкам импорта и экспорта, а не формирование новой системы участия России в мировой торговле. Без перехода к новой парадигме Россия сохранит зависимость от иностранных ресурсов и рынков сбыта, а также от иностранной инфраструктуры мировой торговли.

По нашему мнению, необходима новая парадигма участия России в мировой торговле, элементы которой представлены ниже.

1. Формирование нового геоэкономического кластера, в состав которого войдут государства, фактически исключенные коллективным Западом из мировой системы международной торговли (Россия, Иран, Венесуэла, КНДР, Сирия). Первые три страны обладают сравнительно большим экономическим потенциалом и значительным региональным влиянием. Технологический потенциал КНДР зачастую недооценивается, при этом данная страна успешно осуществляет высокотехнологические разработки в ряде отраслей. Наиболее уязвимое положение у Сирии, однако данная страна исторически играла важную роль на Ближнем Востоке и является естественным союзником Ирана. Этот кластер, при условии объединения экономических и технологических потенциалов его участников, выстраивания кооперационных связей и внутренней системы разделения труда, способен значительно ускорить темпы экономического роста государств-членов и подорвать потенциал санкционного давления против них (что продемонстрировали широко обсуждавшиеся, но пока публично не подтвержденные поставки боевых беспилотных летательных аппаратов из Ирана в Россию). Участие в таких кооперационных связях может быть для российской экономики потенциально более выгодным [21] по сравнению с теми глобальными цепочками создания стоимости, в которые она входила до февраля 2022 г. Этот кластер, по первым буквам названий стран-участников, может быть назван РИВКС (отметим, что его участником может быть также и Куба). Иными словами, России необходимо не сохранять свое участие в существующей системе мировой торговли при помощи обходных мер и ограничиваться точечными действиями по поиску альтернативных партнеров, а формировать собственную систему международного разделения труда (ядром которой будет данный кластер).

2. Углубление сотрудничества данного кластера с государствами, не присоединившимися к санкционному давлению (прежде всего, с Китаем, Индией, Бразилией и ЮАР, т. е. в рамках БРИКС – кроме России). Отметим, что в этом случае БРИКС (кроме России) будет выступать в качестве хаба между мировой экономикой и кластером РИВКС. Это позволит Китаю, Индии и т. д. максимизировать свои выгоды от посреднической деятельности, что создаст потенциал сотрудничества. При этом благодаря объединению в кластер участники РИВКС смогут эффективнее отстаивать свои интересы.

3. Постепенное вовлечение в РИВКС других государств в качестве рынков сбыта и поставщиков ресурсов. Очевидными кандидатами являются государства Африки, поскольку в настоящее время позиции России в них усиливаются. Теоретически можно было бы говорить о восстановлении

хозяйственных связей в рамках бывшего СССР, однако в настоящее время позиции России в данном регионе подорваны из-за проведения специальной военной операции на Украине. Единственным перспективным участником является Белоруссия.

4. Формирование собственной альтернативной инфраструктуры международной торговли (платежные системы, финансовая и транспортно-логистическая инфраструктура и т. д.), при этом не опирающейся на использование доллара США и евро, поскольку данные валюты продемонстрировали свою ненадежность в качестве международного средства платежа [22].

Данные меры позволят сформировать региональную синергию на межгосударственном уровне [23, 24], что создаст условия для обеспечения экономической безопасности как российских промышленных предприятий, так и национальной экономики в целом.

Очевидно, что соответствующие меры могут быть реализованы только на уровне государства (и даже на уровне межгосударственного сотрудничества). Промышленные предприятия не обладают необходимыми ресурсами для их проведения, и могут лишь локализовывать отдельные этапы производственной цепочки и принимать меры по поиску альтернативных поставщиков и каналов поставки. Фактически это означает, что долгосрочная экономическая безопасность российских промышленных предприятий зависит от того, насколько эффективно государство разработает и реализует стратегию перехода к новой модели участия России в системе международной торговли. При этом очевидно, что за счет исключительно рыночных мер осуществить переход к этой новой модели невозможно, государству необходимо использовать меры, характерные для мобилизационной модели [25, 26].

Наши предложения представляют собой рекомендации по формированию вокруг России нового экономического полюса, который будет еще одним шагом по формированию многополярного мира. В нашей стране многополярность чаще всего понимается в политическом ключе, однако политическая самостоятельность должна опираться на экономический потенциал и технологический суверенитет. Создание описанного выше межгосударственного кластера позволит создать экономическую и технологическую основы для многополярности.

Подчеркнем, что «сходные стратегии» реализуются и другими мировыми центрами силы. В частности, проект Пояса и Пути, осуществляемый Китаем, по своей природе представляет аналогичный кластер, призванный создать ориентированную на нужды Китая систему международного разделения труда.

Список источников

1. Ершов М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 5–23.
2. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45–56.
3. Седова Ж. Мы не сидели сложа руки и предприняли активные действия по поиску альтернативных запчастей // Энергетическая политика. 2022. № 10. С. 14–21.
4. Стельмашонок Е. В., Стельмашонок В. Л. Модель экономического развития России: текущие проблемы и перспективы трансформации в условиях геополитической напряженности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 11. С. 479–485.
5. Никифорова Ж. А. Анализ влияния антироссийских экономических санкций на экономику Королевства Швеция // Бюллетень транспортной информации. 2021. № 1. С. 11–15.
6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 38–47.
7. Чичканов В. П., Сухарев О. С. Импортозамещение: перспективные решения // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 2. С. 81–88.
8. Кириллова Т. В., Дорофеева М. Д. Перспективы развития внешне-торговых отношений России с Китаем // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сборник трудов всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции, Санкт-Петербург, 30 мая 2022 года. СПб : СПбПУ Петра Великого, 2022. С. 74–78.
9. Плещенко В. И. Параллельный импорт и челноки: реактуализация старых схем организации товародвижения в условиях санкционных ограничений // Логистика сегодня. 2022. № 3. С. 180–184.
10. Котляров И. Д. Сервисный рычаг и обеспечение доступа к производственным активам предприятия // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 164–172.
11. Капустина И. В., Григорьева К. А. Актуальные проблемы импорта автокомплекующих // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сборник трудов всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции. СПб. : СПбПУ Петра Великого, 2022. С. 69–74.

12. Капустина И. В., Григорьева К. А. Импорт автокомпонентов как фактор лабильности рынка автомобилестроения // *Beneficium*. 2022. № 3 (44). С. 49–56.

13. Курбанов А. Х., Пахомов В. А., Плотников В. А. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2014. № 4. С. 29–37.

14. Курбанов А. Х., Машковская А. О. Цепочки поставок продовольствия и COVID-19: последствия и мировые политические уроки // *Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева*. 2021. № 4 (28). С. 89–98.

15. Никитин Ю. А., Плотник М. А. Пандемия COVID-19 как фактор дестабилизации международных цепочек поставок // *Экономический вектор*. 2021. № 1. С. 57–63.

16. Митяшин Г. Ю. Трансформация продовольственной безопасности в условиях постиндустриальной экономики // *Вестник НГИЭИ*. 2022. № 9. С. 120–135.

17. Гудкова Т. В., Логинова В. С. Решоринг промышленности США: цифровизация vs глобализация // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2020. Т. 50, № 7. С. 42–60.

18. Малых Е. Б. Тенденции развития мировой экономики и геэкономические интересы России // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 2. С. 37–44.

19. Плотников В. А., Рукинов М. А. Новый облик мировой энергетики и экономическая безопасность России // *Известия высших учебных заведений. Серия: экономика, финансы и управление производством*. 2020. № 2. С. 39–43.

20. Пирогова О. Е., Макаревич М. Л. Исследование проблем повышения благосостояния граждан Российской Федерации // *Международный научный журнал*. 2019. № 3. С. 14–20.

21. Плотников В. А. Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 2. С. 7–13.

22. Малых Е. Б., Плотников В. А. Стратегические приоритеты России в мировой валютной системе с позиции обеспечения внешнеэкономической безопасности // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26, № 3. С. 297–305.

23. Белов В. И., Степанова Т. В. Региональная синергия в аспекте импортозамещения // *Государство и бизнес. Современные проблемы экономики* : материалы X Международной научно-практической конференции,

Санкт-Петербург 25–27 апреля 2018 года. Спб. : РАНХиГС ; СЗИУ, 2018. С. 39–41.

24. Курочкина А. А., Харламова Т. Л. Проблемы реализации концепции экономической безопасности федерального округа в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2013. № 4. С. 141–143.

25. Гришков В. Ф., Плотников В. А., Фролов А. О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3. С. 7–13.

26. Плотников В. А. Типизация хозяйственных систем: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1. С. 20–26.